

Бянь Хун прижался ухом к двери, напряжённо прислушиваясь к тому, что происходило снаружи. Послышалось несколько сдавленных воплей, и тут же Жун Фэн, стоявший в доме, натянул лук до отказа и выпустил стрелу. Раздался короткий «свист», за которым последовал звук удара наконечника о металл и пронзительный крик.

Во дворе те самые солдаты-дезертиры, намеревавшиеся бесшумно проникнуть внутрь и быстро расправиться со всей семьёй, едва перелезли через стену, как угодили в ловушку у самой ограды. Один из них мгновенно был насквозь пронзён заострёнными кольями на дне ямы, ещё двое, среагировав быстрее, повисли на краю, дожидаясь помощи.

Хотя они и были беглыми солдатами, среди них нашлись люди с весьма неплохой выучкой, у каждого были свои причины стать дезертиром. Увидев ловушку, они наконец отнеслись к обитателям этого дома всерьёз. Прежняя беспечность исчезла без следа: все разом собрались, и в их движениях проступила сгущённая, холодная ярость. Больше они не стали прощупывать другие пути во двор, опасаясь новых западней. Перепрыгнув через уже сработавшую глубокую яму, они резким рывком перелетели её и ловко взобрались на стену, один за другим оказываясь внутри.

Стрела Жун Фэна угодила в грудь первому, кто перемахнул через стену, но её принял на себя доспех - она не пробила его насквозь. Тем не менее, успев приземлиться, тот, пошатываясь, сделал несколько шагов и распахнул ворота, после чего окончательно лишился способности двигаться.

Лицо Жун Фэна потемнело: эти люди были опасны. Они совсем не походили на тех браконьеров-разбойников, что промышляли в горах Мэмэн, - перед ним стояли противники с настоящей выучкой.

Лук годился лишь для дальнего боя. Как только враги ворвались во двор, Жун Фэн отбросил лук, выхватил нож и вместе с Бянь Хуном распахнул дверь, бросившись наружу. Бянь Хун, едва выйдя, на мгновение застыл: в лунном свете доспехи на нападавших были до боли знакомы. Даже если это была не гвардия Хубэнь, то уж точно пограничные войска - люди, с которыми когда-то он плечом к плечу ходил в бой.

Теперь же им предстояло поднять клинки друг против друга, убивать своих. В груди у него поднялась глухая, невыразимая печаль. Но солдаты-разбойники действовали хладнокровно и умело. Сойдясь в ближнем бою, они мгновенно разорвали связку, стараясь разделить противников и прорваться поодиночке. Несколько человек попытались занять Жун Фэна, рассчитывая собрать силы и сначала расправиться с более низким и на вид хрупким Бянь Хуном. Однако стоило лишь обменяться первыми ударами, как они поняли: сегодня им не повезло - нарвались на крепкий орешек.

С той стороны высокий, крепкий мужчина бился яростно, демонстрируя выверенную, классическую школу боя: широкие, мощные движения, и даже нескольким противникам было трудно удерживать его долго. А тот, кого они сочли слабым звеном, худощавый на вид человек, после всего нескольких схваток заставил их внутренне похолодеть. Потому что его манера боя была той же, что и у них. Те же приёмы, та же беспощадность. Лезвие ножа сверкало ледяным

блеском; рубящие, подсекающие, колющие удары следовали один за другим. Движения не были красивыми, порой даже казались грубоватыми и некрасивыми, но каждый из них инстинктивно шёл в жизненно важную точку. Всё было подчинено одной цели: убить.

Это была выучка, выкованная на поле боя ценой бесчисленных жизней, выстраданная кровью.

Под ясной луной обе стороны застыли друг против друга; казалось, в этом свете различимы даже выражения лиц. И всего после нескольких приёмов главарь разбойников усмехнулся: он нашёл слабость этого худощавого человека.

Тот не был до конца решителен в убийстве.

В следующую же секунду главарь, налившись яростью, рванулся вперёд. Бянь Хун только что отбил два рубящих удара, как на него почти вихрем налетел главарь и обрушил тяжёлый клинок прямо на лицо. Бянь Хун стиснул зубы, поспешно принял удар, подставив поперёк перед собой изогнутый нож, но тяжёлый меч давил всё ниже и ниже, уже почти касаясь горла.

Со стороны Жун Фэна раздался рёв. Он резко взмыл, мощно провернул корпус, и удар, насыщенный внутренней силой, сломал одному из солдат-разбойников шею. Затем он метнул своё оружие в сторону главаря, но клинок перехватил внезапно выскочивший из укрытия однорукий мужчина. Сила броска не ослабла: однорукого отбросило далеко в сторону. И в тот же миг окно дома вдруг приоткрылось - в щели показалась половина детской фигурки. Тонкие руки сжимали тяжёлую металлическую гирю, и ребёнок, собрав все силы, метнул её в лицо главарю, который в этот момент теснил Бянь Хуна. Удар пришёлся в висок - кровь хлынула сразу.

У Бянь Хуна похолодело внутри, потому что краем глаза он увидел: несколько раненых разбойников, поваленных на землю, уже рвались к дому. Они были как гиены, ищущие падаль: чутко учуяли слабину этих двух опасных противников.

Всё произошло в считанные мгновения - от появления солдат-разбойников до схватки. Даже Яньцю, которого шум разбудил в соседней комнате, едва успел наспех одеться и распахнуть дверь. Он выбежал, и перед глазами уже была земля, устланная телами и залитая кровью.

Лицо его побелело от ужаса, но тут он заметил у окна человека, который тянул изнутри Юаньдина. Яньцю не раздумывал ни секунды: схватив стоявшую у окна деревянную мотыгу, он с криком обрушил его вниз. Древко разлетелось, рука, державшая Юаньдина, разжалась. Нападавший с мрачным лицом тут же бросился на Яньцю. Тот был совершенно не ровня ему: тот единственный удар уже был пределом его храбрости и сил. Теперь он лишь беспорядочно размахивал обломком рукояти, отчаянно сопротивляясь.

И в тот миг, когда враг рванулся, чтобы сомкнуть пальцы на его горле, изогнутый клинок, холодно блеснувший в лунном свете, словно призрак, вонзился сбоку в шею нападавшего и резко дёрнулся назад. Под луной тень этого человека, отброшенная на стену, внезапно распалась - голова отделилась от тела. Затем хлынула густая струя крови, будто

обезглавленное тело ещё не осознало утраты, и артерия продолжала, в такт сердцу, раз за разом выбрасывать кровь.

Яньцю облило горячей кровью. Обезглавленное тело, покачнувшись, рухнуло в сторону, и за ним открылось лицо. Это был Бянь Хун. Бянь Хун с застывшим, окаменевшим выражением, весь окутанный холодной, разлитой вокруг него жаждой убийства.

Яньцю вдруг понял, что ему страшно. По-настоящему страшно.

— Брат Си... брат Си?

Он сам не заметил, как прошептал это вслух. В тот же миг он повернул голову и увидел, как его благодетель, тот самый человек, которому он обязан жизнью, со всей силы ударил кулаком в грудь врага, только что державшего клинок у горла брата Си. Даже несмотря на мягкий доспех, удар пришёлся прямо в грудь. Казалось, кости там просто рассыпались. Тот рухнул на землю, несколько раз судорожно дёрнулся и затих.

За этот короткий миг ночного боя более десятка свирепых солдат-разбойников были почти полностью уничтожены. Большинство погибли от сокрушительных ударов, когда внешняя сила ломала тело изнутри. Меньшинство - от чистого, стремительного обезглавливания.

Это был самый распространённый способ убийства в армии. Так было удобнее считать боевые заслуги.

Когда в доме стих шум, Юаньдин и Гуаньбао выбежали наружу и вцепились в ноги Бянь Хуна. Они были до смерти напуганы, но вместе с тем чувствовали облегчение. Их брат Си, как и прежде, прогнал злодеев и снова, ещё раз, сумел защитить их.

В этот момент из кухни выскочил тот самый раненый боевой конь, которого выхаживали. За оградой двора он громко заржал, с силой скребя землю копытами. Жун Фэн тут же вышел проверить и увидел, что однорукий, которого ранее отбросило за пределы двора ударом клинка, пытается бежать. Однако, и без того израненный, он был сбит с ног железным копытом коня. Лошадь тут же начала ходить вокруг, переступая с ноги на ногу, явно готовая снова атаковать, стоит тому попытаться подняться.

— Иньшуан!

Конь, услышав оклик, слегка повернул голову, фыркнул и, глухо переступая копытами, замер на месте. Жун Фэн подошёл, похлопал его по шее, после чего с мрачным выражением направился к лежащему человеку. Тот не подавал признаков жизни - ни звука, ни движения. Жун Фэн сперва решил, что тот мёртв, затоптан конём, но, проверив дыхание, убедился, что тот ещё жив: видимо, просто потерял сознание от боли.

Убивать его Жун Фэн не стал. Те, что остались во дворе, были мертвы окончательно. Из нападавших живым остался лишь он один, и это было кстати. Нельзя было перебить всех: нужен был кто-то, кого можно отправить в уездную управу для оформления дела о разгроме разбойников, живой свидетель. Тем более что сегодня крови пролилось немало. Хотя у Жун Фэна было право расправиться со всеми, он помнил наставление учителя: иногда важно, чтобы всё выглядело прилично. Формальности следовало соблюсти, уведомить уездные власти, иначе могло показаться, что стражи гор слишком самовольно и дерзко распоряжаются жизнью и смертью.

Подумав так, он связал пленника и затащил его во двор, собираясь сказать пару слов Бянь Хуну: мол, наутро, когда рассветёт, этого полуживого нужно будет отправить в уездную управу - дорога туда займёт почти целый день. Но, войдя во двор, он увидел, что Бянь Хун всё ещё стоит на том же месте - весь в крови, неподвижный, словно окаменевший.

Жун Фэн тут же бросил однорукого, подбежал к нему и увидел: лицо Бянь Хуна посинело, всё тело дрожит, зубы стиснуты так крепко, что дёсны побелели, а в уголке губ проступила тонкая полоска крови. Не раздумывая больше ни о чём, он обхватил Бянь Хуна и понёс его в дом, на ходу бросив Яньцю едва ли не первые слова с тех пор, как тот появился здесь:

— Прошу... присмотри за детьми.

Яньцю поспешно вытер кровь с лица, с трудом заставил дрожащие ноги держать его, отчаянно закивал Жун Фэну и выдал:

— Спасибо.

После этого Жун Фэн сразу унёс Бянь Хуна в дом.

На самом деле Юаньдин и Гуаньбао держались даже спокойнее, чем Яньцю. Судьба у того была тяжёлая, но он не вырос среди голода и бедствий: как-никак, дом он не покидал, пусть скудно, но ел досыта. Он не то что убивать, даже к чужим похоронам в деревне подходить боялся. А уж зрелище двора, залитого кровью, и подавно выбило его из колеи.

А Юаньдин и Гуаньбао были выведены Бянь Хуном буквально из самой смерти. То, что они успели увидеть за свою короткую жизнь, - вся низость и жестокость человеческой природы - не поддавалось описанию. Для них двор, полный трупов, был ничем по сравнению с родными местами, где свирепствовала чума, с месяцами бегства и скитаний, с дорогами, усыпанными голодными мертвецами и телами, наваленными друг на друга.

Жизнь научила их одному: не нужно бояться мёртвых - нужно бояться живых.

И сейчас Юаньдина и Гуаньбао волновало лишь одно: всё ли будет хорошо с их братом Си. Они и сами понимали, что не способны защитить его - слишком малы, слишком слабы, у них нет силы. Это стало ясно ещё тогда, в утро, когда они жили у семьи Минь и брат Си исчез: в тот

день дядя, вздыхая, молча поставил перед ними по чашке каши из проса.

Но у старшего брата сила была.

Юаньдин обнял прижавшегося к нему Гуаньбао. Теперь он испытывал к Жун Фэну, этому старшему брату, почти слепую, безоговорочную веру. Яньцю не знал, как утешить этих ещё совсем маленьких детей, уже собирался неловко подбирать слова, но Юаньдин сам потянул Гуаньбао за руку, поднял голову и заговорил с ним.

— Брат Яньцю, пойдём обратно в комнату, поспим, — тихо сказал он.

— А? А... да, да, — растерянно отозвался тот.

Юаньдин повёл Гуаньбао за руку и, прихватив с собой Яньцю, вернулся в комнату матери Жун. Закрывая дверь, он всё же бросил взгляд на соседнюю. Он очень хотел, чтобы брату Си поскорее стало лучше. Их впереди ждало ещё столько вкусной еды, столько полей, которые нужно засеять, и столько хороших, спокойных дней.

А в соседней комнате Жун Фэн, держа Бянь Хуна на руках, быстро уложил его в тёплую постель. Затем он безошибочно нашёл в правом углу шкафа маленькую шкатулку с фарфоровыми пузырьками - там было снадобье из тяньма, приготовленное им самим, и пилюли, оставленные учителем. Лекарства не конфликтовали между собой, напротив, как раз подходили к нынешнему состоянию Бянь Хуна. Жун Фэн налил чашку тёплой воды, приподнял его и попытался напоить.

Пилюлю он почти силой вложил Бянь Хуну в рот, но тот, находясь в судорожном приступе, не мог нормально глотать, вода стекала обратно по губам. Тогда Жун Фэн, совсем отчаявшись, сам сделал большой глоток, одной рукой поддержал затылок Бянь Хуна, наклонился и передал воду изо рта в рот. В этом тесном, почти отчаянном соприкосновении он приоткрыл Бянь Хуну горло и всё-таки заставил его проглотить лекарство.

А потом он обнял его холодное тело, спокойно лёг рядом и стал ждать, пока Бянь Хун понемногу придёт в себя.

Тело Бянь Хуна время от времени вздрагивало. В тумане сознания ему казалось, что он всё ещё на поле боя. Сражение уже подходило к концу, вокруг раздавались возбуждённые крики - люди громко радовались, отсекая головы врагам.

До того, как Великий наставник изменил порядок учёта военных заслуг, в гвардии Хубэнь воинскую доблесть измеряли головами. Убить было недостаточно, нужно было отсечь голову, обезглавить врага. Те солдаты, кто не приносил трофеев, попадали под наказание: их сажали в карцер, увеличивали нормы тренировок, над ними издевались.

Бянь Хун почти полгода ходил по этому кругу - тюрьма, изнуряющие занятия, унижения - и в конце концов поднял свой клинок. Его техника уже была доведена до почти полной безупречности многократными тренировками, повторениями до изнеможения. Оставалось лишь применить её на деле.

Среда меняет человека. А Бянь Хун хотел выжить.

Ещё через год он уже привык убивать, сразу перерезая шею и отделяя голову, потому что инструктор требовал: так быстрее, так эффективнее.

В ту ночь ему было приказано преследовать дезертиров. По установленному порядку казнить на месте с отсечением головы. Дезертир бежал три дня и три ночи. Те десяток с лишним человек, что шли за ним, гнали его все те же три дня и три ночи. И лишь у заброшенной деревни Бянь Хун с онемевшим сердцем, послушно исполняя приказ инструктора, одним ударом отсёк ему голову. Военский приказ был незыблем, словно гора: голова упала, кровь пролилась. И тут за спиной раздался пронзительный крик:

— Папа!

Он обернулся и увидел девочку лет семи-восьми. В руке у неё был камень, она, захлёбываясь слезами, бросилась к ним, словно собираясь сражаться до конца. Это была попытка яйцом разбить камень, и всё же в ней не было ничего смешного. Потому что на её глазах он только что отсёк голову её отцу. Тело дезертира с глухим стуком рухнуло на землю, а отрубленная голова так и осталась лежать с открытыми, не сомкнувшимися даже в смерти глазами.

Бянь Хун застыл на месте, ничего не чувствуя и ничего не понимая, пока инструктор не уладил всё остальное: выдал девочке серебро на жизнь и устроил её в надёжное, спокойное место. Но Бянь Хун знал: в ту минуту что-то внутри него тоже с оглушительным треском раскололось. А затем, со временем, трещины стали расползаться по всему его существу. Новые раны накладывались на старые, слой за слоем, и склеить их уже было невозможно.

Позже, под вздохи и сожаления окружающих, он отказался от всего, ушёл из военного лагеря и унес с собой эти не заживающие, расползающиеся по всему телу трещины.

Он медленно собирал себя по кусочкам, склеивал, сшивал трещины и в конце концов снова стал похож на человека. Но даже теперь время от времени из этих швов всё ещё тянуло сквозняком: холодным, пронизывающим до костей, будто напоминанием.

Сознание Бянь Хуна оставалось относительно ясным. Тело слушалось плохо, но всё же это было несравнимо легче, чем прежде. Он подумал: возможно, однажды настанет день, когда он снова станет целым. Постепенно его тело оживало. В ушах то и дело звучал чей-то низкий голос, негромко зовущий его по имени:

— Бянь Хун?

А затем, после короткой паузы, снова:

— Бянь Хун.

В этом чужом мире его раз за разом возвращали к самому себе, напоминая, кто он есть. Наконец он слабо выдохнул и откликнулся:

— М-м...

Жун Фэн резко приподнялся и наклонился над ним, всматриваясь в лицо:

— Полегчало?

Бянь Хун с усилием пошевелил шеей и слегка кивнул. Лишь тогда Жун Фэн по-настоящему выдохнул, позволив себе расслабиться. Он опустился рядом и, обняв Бянь Хуна сзади, крепко прижал его к себе.

Он тихо сказал:

— Не бойся, я здесь. Я никуда не уйду.

И по неизвестной причине эти слова глубоко тронули Бянь Хуна. Слезы молча скатились по линии волос и пропитали подушку. Его всё ещё время от времени пробирала дрожь, но в горячих объятиях Жун Фэна он медленно выговорил:

— Я не ланьцзюнь... Я мужчина. Я не могу рожать, не могу создать с тобой семью. У меня болезнь в сердце и в душе - я плохой спутник. В будущем у меня будет свой путь. Тебе... не нужно из-за меня так поступать.

Мужчина не разжал рук. Он по-прежнему держал Бянь Хуна, даже сжал его крепче. Наклонившись, он упёрся лбом в его мягкие волосы и, ничего не спрашивая и не добиваясь объяснений, с трудом выдавил:

— Я... без тебя не могу. По крайней мере до тех пор, пока ты не найдёшь тот свой путь.

Сказав это, он надолго замолчал, а затем, словно прося, медленно добавил:

— До тех пор... побудь со мной. Пройди со мной этот отрезок пути.

После того как они так крепко обнялись, стало ясно одно: одному человеку слишком одиноко.

<http://bllate.org/book/13502/1320503>